Профессоръ Московскаго Университета Ал. П. Лебедевъ.

Х
п. 2:92
Л-

ВЪ ЗАЩИТУ

ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

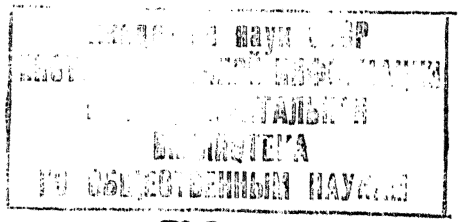
ОТЪ НАПАДОКЪ

37985

историка С. М. Соловьева.

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

МОСКВА.
Типо-литографія И. Ефимова, Большая Якиманка, собственный домъ.
1907.



Отдѣльный оттискъ изъ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1907 годъ.

Въ защиту Филарета митрополита Московскаго отъ нападокъ историка С. М. Соловьева.

Знаменитый русскій историкъ, покойный профессоръ Московскаго университета С. М. Соловьевъ († 1879 г.) оставилъ послѣ себя черновыя *Записки*, съ помѣткою на нихъ: „для дѣтей моихъ, а если можно и для другихъ". Записки эти, несмотря на глубокій интересъ, какой онѣ представляли, благодаря славному имени названнаго русскаго историка, долго почему-то не появлялись въ печати. Впервые онѣ появляются въ свѣтъ, въ 1896 году, въ двухъ различныхъ по своему политическому направленію журналахъ и въ двухъ неодинаковыхъ видахъ. Прежде всего онѣ начаты печатаніемъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (фев. кн.), подъ заглавіемъ: „Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева". Издателемъ ихъ былъ сынъ покойнаго Соловьева, Всев. С. Соловьевъ, извѣстный романистъ. Опубликованіе *Записокъ* отца Вс. Соловьевъ мотивируетъ такъ: „Въ послѣднее время мнѣ все чаще и чаще приходилось отвѣчать на обращенные ко мнѣ вопросы разныхъ лицъ о томъ, какія „Записки" найдены были въ бумагахъ моего покойнаго отца и почему „Записки" эти до сихъ поръ не появляются въ печати". Это-то и побудило его „приступить къ печатанію извлеченій" изъ указанныхъ записокъ. Издатель находилъ, что встрѣчающіяся въ нихъ характеристики, въ особенности московскихъ дѣятелей 40-хъ годовъ, „кратки, но рѣзки и мѣтки". Онъ старается объяснить, откуда взялись эта рѣзкость у такого уравновѣшеннаго мужа, какимъ былъ С. М. Соловьевъ. „Рѣзкость нѣкоторыхъ сужденій—говоритъ онъ—объясняется характеромъ и складомъ ума автора. Человѣкъ самаго опредѣленнаго и яснаго міросозерцанія и непоколебимо твердыхъ нравственныхъ понятій—онъ былъ строгъ къ самому себѣ и съ такою же строгостію относился къ другимъ". Но при этомъ издатель выражаетъ очень основательную увѣренность, что и „самъ авторъ „Записокъ", при окончательной редакціи своей рукописи, кое-что смягчилъ

бы и многое дополнилъ бы громко говорящими за себя фактами“ (стр. 1—4).

Какъ открылось изъ послѣдующихъ изданій этой же рукописи С. М. Соловьева (объ этихъ изданіяхъ рѣчь будетъ сейчасъ), въ ней удѣлялось мѣсто характеристикѣ нашего великаго святителя Филарета Дроздова. Но изъ этой характеристики въ „Извлеченіяхъ“ Вс. Соловьева не встрѣчаешь ни одного слова. Вообще въ этихъ „Извлеченіяхъ“ опущено начало „Записокъ“ (не менѣе печатнаго листа), гдѣ говорится о годахъ дѣтства нашего историка, о московскомъ духовенствѣ (нужно помнить, что историкъ былъ сынъ московскаго священника), объ ученьи его въ духовномъ, такъ называемомъ, Петровскомъ училищѣ [1]), и о переходѣ его въ гимназію, а главное—здѣсь нѣтъ ни слова о митрополитѣ Филаретѣ. А между тѣмъ, какъ видно изъ позднѣйшихъ изданій разсматриваемыхъ „Записокъ“, въ началѣ ихъ помѣщена была краткая, но непомѣрно рѣзкая и совершенно невѣрная характеристика этого святителя. Чѣмъ руководился сынъ С. М. Соловьева, опуская эту характеристику—точно не знаемъ. Возможное дѣло: романистъ Всев. С. Соловьевъ чутьемъ постигъ, что подобная характеристика пожалуй еще умѣстна была бы въ какомъ-нибудь сенсаціонномъ романѣ („Андреева“), но совсѣмъ не нужна въ историческомъ произведеніи, цѣль котораго — безпристрастіе.

Прошло три мѣсяца послѣ появленія начала указанныхъ „Извлеченій“, и вотъ въ другомъ журналѣ, въ *Вѣстникѣ Европы* (іюн. кн.), началось печатаніе тѣхъ же „Записокъ“ въ изданіи другого сына С. М. Соловьева, извѣстнаго философа Вл. С. Соловьева. Но изданіе это получило уже другое заглавіе, а именно такое: „Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Нѣсколько данныхъ для его характеристики“. Эти „Нѣсколько данныхъ“ оказались на повѣрку опять-таки просто „извлеченіями“ изъ той рукописи знаменитаго историка, о которой у насъ рѣчь. Статья Вл. Соловьева открывается краткимъ его предисловіемъ, въ которомъ заявляется, что онъ имѣетъ въ виду издать „Записки“ своего отца въ полномъ видѣ, а теперь пока ограничивается характеристикою автора „Записокъ“ на основаніи этихъ послѣднихъ. При этомъ

[1]) Оно такъ называлось потому, что помѣщалось въ Петровскомъ монастырѣ въ Москвѣ. Училище это давно упразднено. Я самъ москвичъ и учился въ дух. училищѣ въ 1855—60 годахъ, но въ это время указаннаго училища уже не существовало.

случаѣ издатель выражаетъ свое неудовольствіе на своего брата Вс. Соловьева, начавшаго издавать данную рукопись не такъ, какъ слѣдовало бы. Новый издатель пишетъ: „Что касается напечатанныхъ въ Русс. Вѣстникѣ“ извлеченій изъ „Записокъ“, то, къ сожалѣнію, они подобраны столь односторонне, что производятъ на знакомаго съ полнымъ текстомъ ихъ такое впечатлѣніе—разумѣется (?), помимо прямого намѣренія издателя—какъ будто имѣлось въ виду огласить, главнымъ образомъ, то, что непріятно для постороннихъ (?) лицъ, пропуская все наиболѣе характерное для самого автора „Записокъ“ (стр. 689). Ужъ не подразумѣваетъ ли Вл. Соловьевъ въ этихъ послѣднихъ словахъ пропускъ характеристики м. Филарета, которой не встрѣчается въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, но воспроизводится въ „Вѣстникѣ Европы“, можетъ быть, „какъ характерная для автора“, т.-е. самого С. М. Соловьева? Второй издатель „Записокъ“ воспроизводитъ въ своихъ „Нѣсколько данныхъ“ почти цѣликомъ начальныя страницы рукописи, опущенныя первымъ издателемъ. Здѣсь впервые появляется и характеристика митрополита Филарета (стр. 698—701). Она ужасна и въ высшей степени неправдоподобна [1]). Несмотря на обѣщанія Вл. Соловьева, при его жизни „Записки“ не появились. Это объясняется непріятностями, возникшими между сыновьями С. М. Соловьева изъ-за изданія ихъ—и все дѣло объ ихъ печатаніи въ полномъ видѣ нашло свой конецъ [2]). Не можемъ не похвалить при этомъ перваго издателя извлеченій изъ „Записокъ“, Вс. С. Соловьева, опустившаго характеристику м. Филарета, начертанную перомъ его отца. Для чести исторіи, какъ строгой и серьезной науки, лучше было бы, если такой характеристики никогда не появлялось въ печатномъ видѣ.

Наконецъ, въ самое послѣднее время предпринято, повидимому, окончательное изданіе разсматриваемой рукописи С. М. Соловьева, безъ всякихъ пропусковъ, въ полномъ видѣ (что и заставило насъ взяться за перо). Смерть всѣхъ сыновей С. М. Соловьева разрѣшила всѣ спорные между ними вопросы объ ея

---

[1]) Теперь уже покойный, московскій протоіерей Пв. Гр. Виноградовъ по поводу этой части „Записокъ“ читалъ рефератъ въ Обществѣ Любителей Дух. Просвѣщенія. Я присутствовалъ при этомъ и помню, что онъ посвященъ былъ защитѣ нравственной личности Филарета и построенъ былъ главнымъ образомъ на „Письмахъ Филарета къ роднымъ“ (М. 1882).

[2]) См. подробности по этому поводу: *Вѣстн. Европы*, 1896 г., майск. кн., стр. 440 и дал.

изданіи. Остальные родственники покойнаго историка не выразили протеста противъ печатанія „Записокъ“. И вотъ въ мартовской книжкѣ *Вѣстника Европы* нашло себѣ мѣсто начало „Записокъ С. М. Соловьева“ (въ дальнѣйшихъ книжкахъ печатаніе ихъ продолжено), съ слѣдующимъ подзаголовкомъ: „мои записки для дѣтей моихъ, а если можно и для другихъ“ и съ эпиграфомъ, начертаннымъ рукою историка: „въ трудахъ отъ юности моея“. Записки вышли изъ подъ пера автора задолго до его кончины († 1879 г.)въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, слѣдовательно во дни жизни Филарета. Въ этомъ *третьемъ* изданіи рукописи С. М. Соловьева для насъ главный интересъ представляютъ тѣ страницы, на которыхъ излагается характеристика м. Филарета. Если мы, какъ теперь открывается, даже неполную характеристику Филарета, какъ она отпечатана въ 1896 году, назвали „ужасною“, то для той характеристики его, которая отличается большею полнотою (76—79) по сравненію съ прежней, еще большею же рѣзкостію и, какъ говорится, безцеремоннымъ продерживаніемъ личности нашего святителя, и которая только что увидѣла свѣтъ, мы прямо-таки отказываемся подыскать хоть сколько-нибудь подходящее названіе. Однимъ словомъ, это что-то невѣроятное, невиданное и неслыханное.

Любопытно будетъ сравнить эту *новую* редакцію Записокъ, поскольку дѣло касается м. Филарета, съ прежнею, въ какой отпечатаны были страницы, посвященныя С. М. Соловьевымъ нашему іерарху. У Вл. Соловьева, читаемъ: „Филаретъ не могъ свыкнуться съ мыслію жить внѣ благосклонности начальства (въ новой: *царской*). Онъ сталъ угождать (въ новой: *льстить*) и достигъ знаковъ благоволенія“. Въ *новой* редакціи эти послѣднія слова читаются иначе: „онъ поднесъ голубя (какъ видно изъ примѣчанія С. М. Соловьева, здѣсь разумѣется сооруженіе изображенія голубя надъ престоломъ Успенскаго собора, по случаю 25-тилѣтія царствованія Николая I), голубя, который возвратился къ нему съ масличною вѣтвью, (жестокая иронія по адресу Филарета), знаками благоволенія“. Далѣе въ редакціи Вл. Соловьева читалось: „выводилъ въ люди онъ постоянно людей посредственныхъ, которые унижались предъ нимъ. Это униженіе“ и пр. Въ новомъ изданіи, вмѣсто послѣднихъ пяти словъ, читается слѣдующее: *пресмыкались у его ногъ. Это пресмыканіе*“ и проч. Въ прежней редакціи читаемъ слова: нигдѣ „раболѣпство низшаго духовенства не доходило до такой (въ *новой* прибавлено: *отвратительной*)

степени, какъ въ московской епархіи, во время управленія Филарета"; въ *новой* же редакціи къ этимъ словамъ прибавлено: „*Этотъ человѣкъ, святой по мнѣнію московскихъ барынь* (?), *забывалъ всякое приличіе*". Въ изданіи прежнемъ лишь значилось: „онъ не зналъ мѣры въ выраженіи своего гнѣва на бѣднаго, трепещущаго священника и дьякона, при какомъ-нибудь неосторожномъ, неловкомъ движеніи" (?). А теперь, вслѣдъ за этимъ порицаніемъ читаемъ такія слова: „*Это не была только вспыльчивость,—тутъ была злость, постоянное желаніе обидѣть, уколоть человѣка въ самое чувствительное мѣсто* [1]). *Объ отношеніи Филарета къ подчиненнымъ всего лучше свидѣтельствуетъ поговорка,* что онъ ѣлъ *одного пискаря въ день и понемъ закусывалъ*". Въ послѣдней редакціи находимъ слѣдующія слова, живописующія отношенія Филарета къ профессорамъ духовной Академіи и преподавателямъ семинаріи,—слова, которыхъ не было въ текстѣ прежнемъ. „Филаретъ *являлся для преподавателей хищнымъ животнымъ, которое прислушивается къ малѣйшему шороху, обнаруживающему жизнь*, движеніе, *живое существо, и бросается, чтобы задавить это существо*" [2]). Рождается вопросъ: почему Вл. Соловьевъ выбросилъ приведенныя изреченія „Записокъ" своего отца? Находилъ ли онъ, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности или боялся накликать „предостереженія" на журналъ, въ которомъ помѣстилъ свои „Нѣсколько данныхъ"? Судя потому, что выпущенныя имъ мѣста почти всегда замѣняются въ печати многоточіемъ, дающимъ понять, что что-то опущено,—думаемъ—скорѣе нужно допускать послѣднее предположеніе.

Воспользовавшись удобнымъ случаемъ сравненія двухъ редакцій отзывовъ С. М. Соловьева о м. Филаретѣ, мы выписали много существенныхъ чертъ, входящихъ въ составъ характеристики нашего святителя, сдѣланной знаменитымъ историкомъ; но выписывать всей этой характеристики не станемъ: тяжело и грустно становится на душѣ, когда встрѣчаешь попытку унизить великаго человѣка [3]). Равно отказываемся мы и разбирать хотя бы ту часть

---

[1]) Такими чертами, сколько извѣстно, описываются только демоны.

[2]) Нѣтъ надобности много разъяснять, что въ этихъ словахъ Московскій святитель уподоблялся тигру.

[3]) Въ исторической наукѣ, а равно и въ нашей публицистикѣ стало какимъ-то правиломъ, что если захотятъ унижать какого-либо выдающагося по своимъ достоинствамъ и заслугамъ историческаго человѣка, то пускаютъ въ ходъ разсужденія о черствости души такого лица (какъ будто бы мягкосердіе и тря-

Филаретовой характеристики, какую по необходимости намъ пришлось уже привести сейчасъ. Историкъ, какъ мы замѣтили выше, приписываетъ святителю черты, свойственныя лишь злымъ демонамъ и принадлежащія природѣ тигровъ (въ точномъ смыслѣ этого слова). Что жъ тутъ можно разбирать? Это дѣло не историка, какимъ считаюсь я, а психолога разрѣшить непостижимые для меня вопросы: существуютъ ли на свѣтѣ люди съ демоническими качествами вообще и въ частности: возможно ли представить себѣ высшаго служителя церкви, ничѣмъ не опороченнаго по суду человѣческому, съ такими качествами? Бываютъ ли люди, признаваемые всѣми за нормальныхъ, и однакожъ обладающіе въ полной мѣрѣ свойствами подлинныхъ тигровъ? По какимъ признакамъ и дѣяніямъ мы можемъ узнавать демоновъ и тигровъ въ образѣ человѣческомъ?

Я не психологъ, а историкъ, а потому мое дѣло маленькое. Я могу лишь попытаться опредѣлить: вѣрны ли съ исторической стороны тѣ факты изъ жизни м. Филарета, на какіе ссылается С. М. Соловьевъ, построевая вышеуказанную характеристику покойнаго московскаго іерарха?

Такихъ фактовъ С. М. Соловьевъ приводитъ немного, и это тѣмъ лучше для насъ, потому что открывается возможность разобраться въ нихъ.

шичность великое качество!). О. м. Филаретѣ С. М. Соловьевъ писалъ (совершенно невѣрно): „отъ природы ли онъ получилъ горячую голову и холодное сердце, или вслѣдствіе положенія его, вслѣдствіе отсутствія сердечныхъ отношеній (вслѣдствіе целибата!), внутренняя теплота постоянно отливала у него отъ сердца къ головѣ—только этотъ человѣкъ для коротко знавшихъ и наблюдавшихъ его представлялъ печальное явленіе“ (!). Вотъ сошелъ со сцены и потомъ умеръ замѣчательнѣйшій человѣкъ нашего времени Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, отовсюду послышалась та же пѣсня о его бездушности, холодности сердца. „Извѣстный“ А. Амфитеатровъ въ омерзительной книжонкѣ подъ презрительномъ заглавіемъ: „Побѣдоносцевъ“ (Петерб. 1907) такъ характеризуетъ этого замѣчательнѣйшаго историческаго человѣка: онъ приписываетъ Константину Петровичу „почти диническую надменность засушеннаго бюрократа“. „Съ жадностію ищешь, пустословитъ публицистъ, хоть какого-нибудь ключа къ запертой душѣ Побѣдоносцева. Ничего! Точно—вмѣсто души, какъ у кота, царь!“ (20). „Онъ былъ талантливъ находить своихъ людей—выпустошенныя души, способныя въ совершенствѣ осуществлять его выпустошенныя идеи и планы“ (35). Такъ просто оказывается развѣнчать великаго или замѣчательнаго человѣка: крачи, что у того или другого изъ нихъ: холодное сердце, отсутствіе сердечныхъ отношеній, или же, что тотъ или другой изъ нихъ: засушенный бюрократъ и выпустошенная душа—и отъ дѣйствительнаго величія, по суду публики, осталось будто бы одно воспоминаніе. Шаблонъ заѣлъ насъ!

Историкъ укоряетъ митр. Филарета за то, что будто онъ подъ невыносимымъ гнетомъ держалъ представителей науки вообще богословской, а въ частности въ своей епархіи. Онъ пишетъ: „въ ужасномъ состояніи подъ гнетомъ Филарета находились дух. академія Московская и семинарія. Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій (!!). Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій, всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ не кастрировалъ (?) человѣка совершенно, не превращалъ его въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго (конечно, Ал. Вас.), одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами дух. академіи. Филаретъ являлся для преподавателя хищнымъ животнымъ, которое прислушивается къ малѣйшему шороху... и бросается, чтобы задавить живое существо. Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи — Филаретъ вырываетъ ее, и чтобы отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ: „что это за нелѣпость, дуракъ!“ (78).

Вотъ произнесено имя А. В. Горскаго сначала профессора церковной исторіи въ Моск. академіи, а потомъ ректора въ ней въ санѣ неженатаго протоіерея († 1875 г.), имя очень памятное еще очень многимъ современникамъ и мнѣ самому, бывшему ученику его въ догматическомъ богословіи, которое онъ сталъ читать въ качествѣ ректора. Что же, отразился ли на немъ режимъ м. Филарета, гнетъ его, о которомъ съ такою увѣренностію говоритъ московскій историкъ? Былъ ли Горскій мумією, ученымъ трупомъ? Къ нашему прискорбію эту послѣднюю мысль развиваетъ и подтверждаетъ и сынъ историка Вл. С. Соловьевъ. Въ своемъ примѣчаніи къ этому мѣсту изъ „Записокъ“ отца онъ заявлялъ: „въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни А. В. Горскаго, я былъ съ нимъ близокъ въ качествѣ вольнослушателя въ Моск. академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ. При необъятной учености, ясномъ пониманіи труднѣйшихъ вопросовъ и необыкновенной сердечной добротѣ, этотъ превосходный старецъ носилъ на себѣ печальные слѣды духовнаго гнета—въ крайней робости ума и малоплодности мысли сравнительно съ его блестящими дарованіями онъ все (?) понималъ, но боялся всякаго оригинальнаго взгляда, всякаго непринятаго рѣшенія“ [1]).

[1]) Вышецитированная статья „Вѣстн. Евр.“, 1896, іюнь, 700.

Вѣрно ли все то, что здѣсь говорится объ А. В. Горскомъ? Нужно сказать прежде всего, что ни С. М. Соловьевъ, ни его сынъ путемъ не знали Горскаго. Первый зналъ о немъ по наслышкѣ и отчасти по его трудамъ, второй судилъ по кратковременному и случайному знакомству съ нимъ [1]). Нельзя, впрочемъ, отрицать того, что А. В. Горскій производилъ впечатлѣніе человѣка робкаго и загнаннаго. Но впечатлѣніе это въ общемъ было невѣрно. Развѣ не существуетъ на свѣтѣ людей смирныхъ и тихихъ, къ какимъ относился и А. В. Горскій? Проф. церковной исторіи въ Моск. дух. академіи С. И. Смирновъ, составившій, по порученію совѣта академіи, біографическій очеркъ этого ученаго, по случаю 25-лѣтія со дня его кончины, не могъ обойти молчаніемъ указанной черты его характера и старается найти объясненіе ея. Но ищетъ и находитъ ее не тамъ, гдѣ ищетъ С. М. Соловьевъ и по его примѣру сынъ послѣдняго. Академическій историкъ говоритъ: „изъ воспитанія домашняго онъ вынесъ замкнутость, нѣкоторую боязнь сближаться съ людьми, черту характера, которая совершенно не гармонировала съ его сердечностью, съ дѣтской простотою въ житейскихъ дѣлахъ, съ удивительною довѣрчивостію къ людямъ. Воспитаніе не развило твердости характера у А. В—ча“. И это могло простираться очень далеко. Тотъ же проф. Смирновъ говоритъ: „Долго не могъ А. В. Горскій привыкнуть къ академіи и здѣсь держался той нитки, конецъ которой крѣпко привязанъ былъ въ Костромѣ“ (т.-е. въ домѣ его родителей) [2]). Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, котораго ужъ нельзя заподозрѣвать въ пристрастіи къ митроп. Филарету, признавая „колоссальность личности“ Горскаго, разумѣется въ научномъ отношеніи, и заявляя, что „это необыкновенное явленіе едва ли повторится“, отмѣчаетъ и „нравственную высоту Горскаго, высоту его смиренія („такого смиренія, о какомъ можно читать только въ учебникахъ нравственнаго богословія“), исполненія долга до самозабвенія“, вовсе не думаетъ видѣть въ этомъ какой-нибудь недостатокъ. Это такъ естественно, по сужденію Гилярова, — въ „аскетѣ-профессорѣ, въ этомъ инокѣ-міранинѣ, отличавшемся

---

[1]) Малое знаніе А. В. Горскаго Соловьевыми констатируетъ проф. С. И. Смирновъ (см. слѣдующее примѣчаніе), стр. 40. Я тоже говорилъ объ этомъ (*Бог. Вѣстн.*, 1907, майск. кн., стр. 166).

[2]) С. И. Смирновъ. „А. В. Горскій“, стр. 20. 23. Въ книгѣ: Прот. А. В. Горскій въ воспоминаніяхъ о немъ Моск. дух. академіи. Серг. Посадъ, 1900.

подвижническою жизнію“ [1]). Филаретъ тутъ совсѣмъ не при чемъ. Нимало не подходитъ къ отзывчивой и гуманной личности А. В. Горскаго наименованіе муміи. Не говоря о томъ, что наименованіе это оскорбительно для такого ученаго человѣка (да и бываютъ ли муміи съ колоссальнымъ умомъ и человѣколюбивымъ сердцемъ?), А. В. Горскій не былъ такимъ рабомъ традиціи, какимъ его выставляютъ двое Соловьевыхъ. По моему мнѣнію, онъ былъ ученымъ либераломъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; и это подтвердятъ лица, близко знавшія покойнаго ученаго [2]). Но онъ, повидимому, держался пословицы: „ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами“, а этого совершенно не зналъ Вл. С. Соловьевъ, помѣщающій Горскаго въ разрядъ мумій.

Если кто изъ числа извѣстныхъ намъ профессоровъ Моск. дух. академіи могъ бы жаловаться на митр. Филарета за строгое отношеніе къ себѣ, за то, что ему этотъ начальникъ не позволялъ писать, о чемъ онъ хотѣлъ и какъ хотѣлъ, однимъ словомъ: если кто могъ бы причислять себя „къ мученикамъ“, у которыхъ по гиперболическому выраженію С. М. Соловьева, изъ сочиненій „выжимали всякую живую мысль“, то это, конечно, очень извѣстный архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ, съ 1846 года, 8 лѣтъ профессорствовавшій въ указанной академіи. Русскій церковный историкъ, П. В. Знаменскій, не разъ касавшійся въ своихъ сочиненіяхъ жизни и дѣятельности о. Ѳеодора, явно причисляетъ митр. Филарета къ гонителямъ этого лица. Гонителемъ, по смыслу разъясненій историка Знаменскаго, Филаретъ являлся потому, что не только не поощрялъ писательства молодого профессора, но и заставлялъ его не выпускать изъ портфеля уже создавшіяся произведенія. По словамъ г. Знаменскаго, „московскій святитель (не иронія ли сіе наименованіе здѣсь?) отнесся къ о. Ѳеодору *весьма строго* и сдѣлалъ ему *суровый выговоръ за* его не безопасное по тому времени *направленіе*“. „Строго-консервативный московскій святитель нашелъ попытку о. Ѳеодора обслѣдовать писанія великаго апостола (Павла) слишкомъ самонадѣянною и *не пустилъ* его сочиненій въ печать. Это былъ *первый ударъ*—замѣчаетъ казанскій профессоръ—для ревности горячаго и стойкаго

---

[1]) Н. Гилярова. Сборникъ сочиненій, 464—5. М. 1900.

[2]) Къ этой мысли склонялся я и раньше. „Къ воспоминаніямъ о А. В. Горскомъ“, стр. 206. См. вышеуказанн. сборникъ подъ заглавіемъ: „Прот. А. В. Горскій“ и т. д.

въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ о. Ѳеодора". „*Предметомъ новаго неудовольствія* владыки было *толкованіе* о. Ѳеодоромъ *Апокалипсиса*". Въ концѣ-концовъ профессоръ долженъ былъ оставить Моск. академію и удалиться въ Казань въ тамошнюю академію, впрочемъ съ повышеніемъ на должность инспектора. „Этотъ полезный человѣкъ—повѣствуетъ г. Знаменскій—не подходилъ подъ общій, давно образовавшійся, уровень окружавшей владыку московской духовной учености, высовывался изъ этого уровня, служилъ предметомъ разныхъ сомнѣній, и митрополитъ постарался сбыть его отъ себя съ повышеніемъ—въ Казанскую академію". Такъ будто бы смотрѣлъ на это дѣло и самъ архимандритъ-профессоръ [1]). При такихъ обстоятельствахъ,—допустимъ, что они переданы историкомъ вполнѣ правдиво,—естественно было бы ожидать отъ архим. Ѳеодора ропота на несправедливость, преслѣдованія, рутину со стороны митр. Филарета. Но ничего такого на дѣлѣ не видимъ (что замѣтно, не нравится казанскому профессору), а между тѣмъ для этого „юнаго богослова", будто бы не оцѣненнаго московскимъ владыкою, открывалась полная возможность „отдѣлать" своего несправедливаго судію: архим. Ѳеодоръ, какъ извѣстно, снялъ съ себя монашество, сталъ по прежнему Алекс—омъ Матвѣев. Бухаревымъ, зна-

---

[1]) П. В. Знаменскаго. „Печальное двадцатипятилѣтіе" (т.-е. со времени смерти о. Ѳеодора), стр. 558, 560, 562: *Правосл. собес.* 1896, т. I. Мы не должны выпускать изъ вниманія того обстоятельства, что ни одинъ м. Филаретъ не умѣлъ будто бы цѣнить „юнаго монаха-богослова", но и вся Моск. академія была согласна съ своимъ владыкою въ данномъ случаѣ. „Въ академіи (Моск.) на о. Ѳеодора взглянули (смотрѣли), по выраженію г. Знаменскаго, какъ на человѣка, слегка повихнувшагося разумомъ" (Тамъ же, 561). Н. И. Гиляровъ, на котораго въ данномъ случаѣ ссылается г. Знаменскій, прямо-таки считаетъ о. Ѳеодора близко стоявшимъ къ сумасшествію. По словамъ этого сотоварища Ѳеодорова по Моск. академіи, „юный богословъ" говорилъ о себѣ: „я знаю, что надо мной смѣются, считаютъ полоумнымъ; но *судьба всѣхъ великихъ людей такова*". Къ этому Гиляровъ добавляетъ: „углубляться въ изъясненіе Апокалипсиса, это дѣйствительно *предверіе* къ сумасшествію". („Сборникъ сочиненій", т. II, 453). Проф. Знаменскій находитъ у Бухарева какую-то „самобытную богословскую систему" (555). Но это едва ли справедливо. Никто не знаетъ такой его самобытной системы, никто не восхваляетъ ея; я лично сколько ни принимался читать Бухарева, кромѣ скуки—ничего не чувствовалъ: его рѣчи наводили на меня какой-то туманъ. Читалъ ли г. Знаменскій всѣ сочиненія о. Ѳеодора? Изъза того, что А. М. Бухаревъ былъ несчастный человѣкъ и сосланъ былъ въ Казань, не слѣдуетъ еще ставить его на высокій пьедесталъ въ учено-богословскомъ отношеніи.

читъ вышелъ изъ-подъ ферулы духовныхъ властей, и притомъ же пережилъ Филарета. А. М. Бухаревъ не только не продергиваетъ Филарета, но выражаетъ къ нему величайшее уваженіе, какъ къ свѣтильнику богословской науки и мудрому, достойному всякихъ похвалъ, вождю современныхъ богослововъ.

Въ журн. *Православное Обозрѣніе* напечатана въ высшей степени любопытная статья А. М. Бухарева, подъ внушительнымъ заглавіемъ: *О Филаретѣ митрополитѣ московскомъ, какъ плодотворномъ двигателѣ развитія православно-русской мысли.* Это—цѣлый гимнъ въ честь Филарета отъ потерпѣвшаго (нѣкогда архим. Ѳеодора), гимнъ, подобнаго которому мы не знаемъ въ литературѣ о Филаретѣ. Нужно читать эту статью, написанную А. М. Бухаревымъ черезъ полгода послѣ кончины м. Филарета, чтобы понять и оцѣнить все ея значеніе въ литературѣ о покойномъ московскомъ владыкѣ [1]). Мы сожалѣемъ о томъ, что не можемъ переписать здѣсь всей статьи Бухарева. Приходится удовольствоваться немногими выдержками изъ нея. Начинается статья такими словами: „Духовное воззрѣніе почившаго великаго іерарха Московскаго было такъ свѣтло, глубоко и многосторонне, что русской, по крайней мѣрѣ, духовной мысли какъ будто бы надолго нельзя и итти далѣе, а довольно было бы, кажется, подняться пока только до уровня съ этимъ воззрѣніемъ". И затѣмъ чрезъ нѣсколько строкъ пишетъ: „мы не можемъ лучше почтить память великаго святителя, какъ разъясненіемъ и оживленіемъ для себя того его значенія, что онъ былъ *мощнымъ и плодотворнымъ двигателемъ настоящаго и еще болѣе возбудителемъ ожидаемаго и желаннаго развитія русской мысли.* Мы хотѣли бы обозначить и нагляднѣе раскрыть силу и значеніе того сѣмени живой и плодовитой мысли, какое мудрый оставилъ намъ русскимъ въ наслѣдіе и которое должно развиваться, расти и плодоприносить въ нашемъ русскомъ духѣ, какъ по духовнымъ знаніямъ, такъ и по общему образованію". „Одинъ свѣтскій ученый—разъясняетъ эту свою мысль Бухаревъ—въ своей бесѣдѣ съ нами справедливо высказывался, что Филаретъ приготовилъ

---

[1]) Проф. Знаменскій, очевидно, не долюбливаетъ нашего святителя и сухо отзывается объ этой интересной статьѣ Бухарева. Не приводитъ ни одной цитаты изъ нея (цитируя въ то же время какія-то анонимныя письма къ самому себѣ, 584). Онъ нашелъ въ этой статьѣ даже описаніе какого-то „столкновенія" Бухарева съ митр. Филаретомъ. Отчего такая „не любы" къ великому святителю? (Стр. 560).

чертежи и рамки, въ которые должно войти все *дѣйствительное* (курсивъ Б—рева) богатство современной, вѣками и тысячелѣтіями развитой, цивилизаціи, для новаго своего развитія". Въ частности по вопросу, наиболѣе насъ интересующему, у А. М. находимъ такія мысли: „*Филаретъ далекъ былъ отъ посягательства на свободу мысли и науки*; онъ зналъ, что только подъ условіемъ непринужденности можетъ расти и развиваться до познанія истины это благородное духовное произрастаніе — мысль наша". Еще: „несомнѣнно, что Филаретъ самъ входилъ въ свободный и даже внутренно-властительный духъ Христовъ: человѣкъ рабскаго духа не могъ бы оказаться предъ просвѣщенными и свободолюбивыми иностранцами *истиннымъ джентльменомъ*, какъ отзывались они о Филаретѣ. Нравственная *зависимость отъ* московскаго столь авторитетнаго *святителя простиралась на всю Россію*". Затѣмъ А. М. Бухаревъ предлагаетъ себѣ одно изъ недоумѣній по поводу личности Филарета, которое встрѣчалось при его жизни и не потеряло своей силы отчасти и въ наше время. „Филаретъ, особенно во дни и лѣта своей крѣпости,— пишетъ авторъ—былъ огонь, который какъ будто бы и не могъ не воспламеняться на все еще не довольно отвердѣлое и опредѣлившееся въ правдѣ и основательной разумности". (При другомъ случаѣ Бухаревъ такого рода лицъ именуетъ: „начинающими только входить въ свою задачу ио предѣляться въ своемъ направленіи и характерѣ"). „Это что такое и отчего?" спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „Не безсердечность же это, не отъ недостатка въ немъ мягкихъ и гуманныхъ движеній. Нѣтъ! Пишущему эти строки, который имѣлъ случай дознать сейчасъ сказанное и по чужимъ, а особенно по своимъ собственнымъ опытамъ, приходилось, съ другой стороны, видѣть и испытывать въ почившемъ святителѣ и *безцѣнное сокровище любви*, не отечески только, но и *матерински нѣжно-соучастной* къ духовнымъ своимъ дѣтямъ. *Въ послѣдніе годы жизни еще болѣе и болѣе открывалось многимъ это сокровище*" (мысль, въ высшей степени справедливая, увѣренно замѣтимъ мы отъ себя). „Филаретъ былъ мужемъ закона",—позволимъ себѣ сдѣлать еще одну и послѣднюю выдержку изъ брыжжущей правдою и увлекательной характеристики нашего святителя,—„то предотвращающимъ, то сдерживающимъ все, сколько-нибудь похожее на не совсѣмъ состоятельное предъ закономъ увлеченіе, смиряющею строгостію". „Наблюдать въ отношеніи къ подчиненнымъ именно строгость, умѣряемую, впро-

чемъ, кротостію, внушалъ онъ и другимъ. Строгость была общею системою его эпохи. Тутъ онъ *не щадилъ* и себя и *себя еще прежде другихъ*: онъ не давалъ простора и свободы къ раскрытію предъ подчиненными собственныхъ, глубоко-гуманныхъ движеній [1]) и тѣмъ лишилъ себя сладостнѣйшей власти надъ свободно предающимися умами и сердцами зависящихъ отъ него; нѣкоторую послабу себѣ въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ развѣ только уже къ концу жизни". Свои наблюденія, которыми А. М. дѣлился съ читателями, заканчиваетъ такими словами: „мы не панегирикъ пишемъ ненуждающемуся въ панегирикахъ для несомнѣнно великаго своего достоинства покойному митрополиту" [2]).

С. М. Соловьевъ, описывая отношеніе митр. Филарета къ профессорамъ своей академіи, какъ нами было уже указано, писалъ: „появится живая мысль у профессора въ преподаваніи... Филаретъ вырываетъ ее и, чтобы отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ:—„Это что за нелѣпость! Дуракъ!" Такъ ли это? Бранился ли Филаретъ: „дуракомъ" на экзаменѣ, этого я совсѣмъ не знаю. Въ теченіе своего ученія въ Моск. семинаріи и академіи—я ни разу не слыхалъ, чтобы митрополитъ, нерѣдко присутствовавшій въ это время у насъ на экзаменахъ, употреблялъ эту брань по отношенію къ профессорамъ и преподавателямъ. Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы онъ же вообще бранился на профессоровъ за то только, что встрѣчалъ въ лекціяхъ преподавателя *живую мысль*. Не наоборотъ ли? Бранилъ, но не за *живую* же мысль? Вотъ что разсказываетъ по этому поводу „старый профессоръ" Московской академіи, недавно умершій († 1904) и самъ много разъ присутствовавшій здѣсь на экзаменахъ, производимыхъ московскимъ владыкою. „Мы хорошо помнили, что незадолго до 1860 г., (точнѣе въ 1858 г.) владыка разъ расходился на экзаменѣ до такой степени, что преподаватель (въ академіи), хотя молодой, но весьма умный, тщательно обработавшій лекціи, предназначавшіяся для публичнаго экзамена (по церковной археологіи) доведенъ былъ замѣчаніями Филарета, лившимися изъ его устъ непрерывнымъ всесокрушающимъ потокомъ,—доведенъ былъ до состоянія, едва ли гдѣ видѣннаго посѣтите-

---

[1]) Святая истина! Не сомнѣваемся въ ней! Сокровенная сторона Филаретовой гуманности совершенно безпристрастно раскрыта нами въ статьяхъ: „Черты нравственнаго облика митр. Филарета" (*Душеп. Чт.*, 1905 г., кн. 9—11).

[2]) *Прав. Обозр.*, 1884, т. I, стр. 717—718; 743, 745—748.

лями публичныхъ экзаменовъ: стоя въ нишѣ окна академической залы, сбоку митрополита, лицомъ къ многочисленной публикѣ *онъ проливалъ слезы*, и всѣ мы видѣли, какъ бѣжали эти слезы по щекамъ профессора и падали на полъ (?). Если бы суровыя замѣчанія митрополита были просто вспышками, окриками властнаго лица—это было бы еще полбѣды. Тяжелѣе всего было то, что *слова митрополита сопровождались такими твердыми доказательствами и указаніями*, оспаривать которыя не было *возможности* (здѣсь курсивъ цитируемаго автора). Въ томъ-то и была главная бѣда—замѣчаетъ справедливо „старый профессоръ"—что *не оставалось* даже *утѣшенія сказать* себѣ, *что владыка раскричался понапрасну*. Лицо, о которомъ разсказывается, здравствуетъ и можетъ откликнуться" [1]). „Не велика радость — слѣдуетъ другой примѣръ—при публикѣ выслушать относительно своихъ лекцій (добавлю я: „по нравственному богословію") и слѣдующій приговоръ, выслушанный во время публичнаго экзамена профессоромъ, теперь уже умершимъ. Долго и молчаливо слушая отвѣчавшихъ студентовъ, митрополитъ наконецъ произнесъ: *если бы мнѣ предоставлено было выбрать: или учить эти лекціи, или же идти на каторгу, я предпочелъ бы каторгу*" [2]). „Нѣчто подобное, замѣчаетъ мелонхолически повѣствователь, могло произойти *и съ нами*". [3]). Согласитесь съ тѣмъ: умно-ли поступили эти два профессора, представивъ къ экзамену при митрополитѣ такіе *отдѣлы* своихъ лекцій, которые были далеки отъ совершенства? Самъ А. М. Бухаревъ изъ запаса своей памяти случайно приводитъ одно изъ замѣчаній, сдѣланныхъ московскимъ владыкою какому-то несомнѣнно академическому профессору. „Не забудемъ мы—пишетъ онъ—какъ услышавъ академическій урокъ по нравственному богословію: *о самоуваженіи* (курсивъ въ оригиналѣ), владыка съ негодованіемъ отозвался: „отъ этого вашего самоуваженія въ Западной Европѣ все становится вверхъ дномъ". Воспоминающій объ этомъ случаѣ одобряетъ ми-

---

[1]) Прибавлю: и теперь оно здравствуетъ, несмотря на глубокую старость. Рѣчь идетъ у автора о протоіереѣ П. А. С., украшенномъ многими орденскими звѣздами и проживающемъ на покоѣ въ Петербургѣ.

[2]) Рѣчь идетъ о проф. Филаретѣ А. Сергіевскомъ, близкомъ родственникѣ митрополита и названномъ: „Филаретомъ" въ честь великаго дѣда. Помнится, я слышалъ, что при другомъ случаѣ тому же профессору на публичномъ экзаменѣ великій Филаретъ сказалъ: „отвѣты студентовъ у тебя, какъ и всегда, худы". Но Ф. А. Сергіевскій былъ человѣкъ очень нѣглупый.

[3]) Горскаго-Платонова П. „Голосъ стараго профессора", стр. 23—24. М. 1900.

39785

трополита за такой отзывъ [1]). Столь много послужившій намъ при возсозданіи правильной характеристики московскаго святителя, экс-архимандритъ Бухаревъ представляетъ въ примѣръ большой толерантности Филарета тотъ фактъ, что этотъ послѣдній "*уважалъ, какъ Божія человѣка*, алтайскаго миссіонера архимандрита Макарія (извѣстнаго переводчика книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка на русскій), несмотря на то, что онъ не совсѣмъ-то во вкусѣ той эпохи разсуждалъ: „зачѣмъ мнѣ раболѣпствовать предъ людьми, когда я самъ—образъ Божій" [2]).

Но послѣдуемъ далѣе за аргументами С. М. Соловьева, направленными во вредъ митрополита Филарета. Въ доказательство самодурства этого іерарха онъ передаетъ исторію о томъ, какъ онъ собственноручно вырѣзалъ часть (половину) переплетнаго листа (т. н. форзаца) одной рукописи, на которомъ находилось по смыслу словъ С. М. Соловьева, нѣчто очень либеральное, написанное рукою митрополита Платона и неугодное третьему его преемнику по каѳедрѣ, т. е. Филарету [3]). Случай этотъ не разъ былъ пересказанъ въ литературѣ: Н. П. Гиляровымъ (въ 1884 г.) и проф. И. М. Снегиревымъ (несомнѣнно, на основаніи сообщеній Гилярова [4]). Самою раннею записью происшествія во всякомъ

[1]) *Прав. Обозр.* тамъ же, стр. 740. Изъ своихъ личныхъ воспоминаній, къ сожалѣнію, могу воспользоваться лишь крайне малымъ. Въ 1866 г. въ Моск. академіи происходилъ публичный экзаменъ, на который прибылъ и самъ святитель. Наступила очередь экзамена по философіи; эта наука преподавалась на младшемъ курсѣ, въ составъ котораго входилъ и я. Къ экзамену по философіи выученъ былъ студентами трактатъ: матеріализмъ и его разборъ, по вновь выданнымъ запискамъ извѣстнаго ученаго профессора В. Д. Кудрявцева-Платонова. Митрополитъ внимательно прослушалъ весь трактатъ, а потомъ обратившись къ названному профессору, промолвилъ: „непонятно, какимъ образомъ такія пустыя мысли могутъ прельщать здравомыслящихъ людей". Что отвѣчалъ на это В. Д.— не знаю, если только отвѣчалъ. Для меня осталось неяснымъ: что хотѣлъ сказать владыка? Не хотѣлъ ли онъ сказать, что матеріализмъ въ прослушанномъ имъ трактатѣ нарочито изложенъ такъ, что онъ выходилъ ничтожною теоріею: нужно сказать, что въ тѣ времена профессора иногда пересаливали въ этомъ направленіи. (Слич. А. Лебедева. „Слѣпые вожди. Четыре момента въ исторической жизни Церкви", стр. 40—41. М. 1907).

[2]) *Прав. Обозр.*, стр. 740.

[3]) Рукопись (появилась въ 1786 г.) принадлежала и принадлежитъ Виѳанской семинаріи. Она подробно описана у С. Д. Муретова: „Описаніе рукописей библіотеки Виѳанской семинаріи", стр. 9—11. М. 1897.

[4]) Снегирева И. М. Жизнь митр. Платона. Ч. I, 69. М. 1890.

случаѣ является запись московскаго историка [1]). Между редакціями Гилярова и Снегирева нѣтъ сколько-нибудь существенныхъ разностей: ихъ можно считать за одну. Иное дѣло редакція С. М. Соловьева; она значительно разнится отъ Гиляровской: она короче, но мысли Платона въ ней выражены рѣзче. Спрашивается: какое отношеніе между этими редакціями? Несмотря на значительное старшинство редакціи С. М. Соловьева (оно простирается до 20-ти лѣтъ), мы не можемъ считать ее самостоятельною. Она или записана со словъ Гилярова, или со словъ человѣка близкаго къ Гилярову. Но возникаетъ вопросъ: какая же существуетъ связь между Гиляровымъ и происшествіемъ, о которомъ идетъ рѣчь? Гиляровъ очень прикосновенъ къ этой исторіи. Когда онъ былъ профессоромъ Москов. академіи и читалъ исторію раскола, то онъ давалъ на руки студентамъ ту рукопись, на которой имѣлась соблазнительная надпись Платона; объ этомъ узналъ, благодаря нескромности ректора, Филаретъ, потребовалъ рукопись къ себѣ и „урѣзалъ“ ее. Все это лучше всѣхъ зналъ Гиляровъ: его больше другихъ интересовало это происшествіе; онъ точнѣе другихъ зналъ содержаніе замѣтки Платона. Вѣдь рукопись была раскольничья, посвящена была защитѣ раскола, первоначально она не имѣла заглавія, а потомъ Платономъ она озаглавлена такъ: *Возраженія старообрядцевъ о преданіяхъ церкви* [2]). Естественно, свѣдѣнія о событіи распространилъ Гиляровъ (событіе относилось къ 1852 г.) и дошли они такъ или иначе до С. М. Соловьева и попали въ его записки (какъ мы сказали, не позднѣе 1854 г.). Сравненіе редакціи этого послѣдняго съ редакціею перваго ясно показываетъ, что С. М. ничего другого не зналъ, кромѣ того, что зналъ и, вѣроятно, разсказывалъ ему Гиляровъ.

Но пора привести подлинныя слова С. М. Соловьева. Для нашей цѣли не безполезно сравнивать при этомъ текстъ С. М. Соловьева съ текстомъ Гилярова; но этому сравненію, чтобы не затруднять читателя, дадимъ мѣсто подъ строкою.

Историкъ пишетъ: „Въ академической библіотекѣ (точнѣе: въ библіотекѣ Виѳанской семинаріи) сохранялась книга (рукопись) о раскольникахъ, драгоцѣнная (?) по собственноручнымъ замѣчани-

---

[1]) Появилась не позднѣе 1854 года. См. „Записки“. *Вѣстн. Евр.*, 1907 г., мартъ, стр. 93.

[2]) Всю эту исторію Гиляровъ разсказываетъ подробно („Сборникъ“, т. II, стр. 271 и дал.; 282 и дал.), но хотя она и интересна, но пересказывать ее было бы долго.

ямъ митр. Платона, слѣдующаго содержанія: споръ съ раскольниками невозможенъ, ибо для успѣшнаго окончанія всякаго спора необходимо, чтобы спорящіе признавали одно начало. Такъ въ религіозномъ спорѣ необходимо, чтобы обѣ стороны признавали одинъ авторитетъ—св. Писаніе; но невѣжественный раскольникъ одинаковую важность съ Евангеліемъ придаетъ и твореніямъ отцовъ часто ошибавшихся и приговорамъ соборовъ, также часто ошибочнымъ, житіямъ святыхъ и разнымъ повѣстямъ нелѣпымъ“ [1]). Оканчивается (предполагаемая) выписка словъ Платона такъ: „просвѣщенный богословъ опровергать его (раскольника) не можетъ уже и потому, что боится оскорбить и своихъ слабыхъ (?), благоговѣющихъ предъ всѣми этими авторитетами: и потому молчи, православный богословъ, и ври невѣжественный раскольникъ“ [2]). Послѣ этой (предполагаемой) выдержки изъ Платона, С. М. Соловьевъ сообщаетъ: „Филарету показали эту книгу (рукопись); строки, писанныя Платономъ, были имъ уничтожены“ (т. е. вырѣзаны); возвращая же книгу (ректору академіи), онъ сказалъ: „зачѣмъ позорить память такого знаменитаго пастыря“ (79) [3]).

[1]) Въ редакціи Гилярова эта послѣдняя мысль поясняется такимъ образомъ: „правила соборовъ или относились къ тѣмъ временамъ или писаны по пристрастію и непросвѣщенному невѣжеству“. Ясное дѣло, что здѣсь рѣчь идетъ о русскихъ церковныхъ соборахъ, главнымъ образомъ о стоглавомъ, а въ редакціи С. М. Соловьева мысль о правилахъ собора выражена столь обще, что подумаешь, будто дѣло идетъ о всѣхъ прежнихъ соборахъ, не исключая вселенскихъ. Далѣе у Гилярова, читаемъ: „И въ писаніяхъ церковныхъ учителей много погрѣшительнаго и съ самими собою и съ словомъ Божіемъ несогласнаго“. Здѣсь указывается критерій для провѣрки „писаній церковныхъ учителей“; у С. же М. Соловьева всѣ творенія отцовъ огуломъ признаются ошибочными и для провѣрки ихъ не предполагается другого критерія, кромѣ человѣческаго разума.

[2]) Кромѣ послѣдней фразы, въ которой читаются слова: „молчи“ и „ври“ у Гилярова ничего нѣтъ изъ того, что мы выписали сейчасъ изъ „Записокъ“ историка. Да и не только подобныхъ словъ, но и подобной мысли быть не могло у Платона: у человѣка православнаго ихъ быть не можетъ, ибо только протестанты позволяютъ себѣ именовать „слабыми“ тѣхъ изъ христіанъ, которые благоговѣютъ предъ такими авторитетами, какъ опредѣленія соборовъ и творенія церковныхъ учителей. Вмѣсто этихъ мыслей, встрѣчаемъ у Гилярова много другихъ, очень интересныхъ съ точки зрѣнія богослова; но выписывать ихъ мы не видимъ необходимости.

[3]) Эти слова Филарета у Гилярова переданы иначе, имъ дается болѣе корректная форма. Митрополитъ, при возвращеніи рукописи, сказалъ ректору: „ну, *извини*, а я книгу-то урѣзалъ, *щадя* память митрополита Платона“ (284). Вообще, нужно сказать, что Филаретъ всегда взвѣшивалъ свои слова, прежде чѣмъ ихъ ывмолвить.

При оцѣнкѣ сужденій С. М. Соловьева о поступкѣ м. Филарета не слѣдуетъ упускать изъ вниманія того обстоятельства, что, пожалуй, подлинной-то резолюціи Платона на раскольничьей рукописи мы не знаемъ. Нашъ историкъ записалъ ее по слухамъ, и она въ его запискахъ не подлинна, какъ это видно изъ сличенія ея съ тѣмъ текстомъ словъ, какой сохранился у Гилярова. Безъ сомнѣнія, Гиляровъ, долженъ былъ знать лучше всѣхъ этотъ текстъ, потому что самъ прикосновенъ былъ къ разсматриваемому инциденту. Но, увы, и Гиляровъ не имѣлъ у себя текста Платоновой резолюціи: онъ воспроизводитъ ее на основаніи чужаго списка, какъ это видно изъ того, что онъ, какъ будто не имѣя увѣренности въ точности своей редакціи, указываетъ на то, что резолюція ранѣе ея истребленія была списана Леонидомъ Краснопѣвковымъ, преподавателемъ Виѳанской семинаріи (впослѣдствіи викарій московскій) и совѣтуетъ отыскивать ее въ записныхъ книжкахъ послѣдняго. Во всякомъ случаѣ Гиляровъ не говоритъ, что имъ самимъ была списана данная резолюція и что онъ воспроизводитъ ее со всею точностію [1]).

Но допустимъ, что у Гилярова мы имѣемъ точный списокъ резолюціи. Можемъ ли мы, принимая во вниманіе ея содержаніе, осуждать и укорять м. Филарета, что онъ „урѣзалъ документъ“ (какъ выражается Гиляровъ)?

С. М. Соловьева находитъ, что, поступивъ такъ съ документомъ, м. Филаретъ тѣмъ доказалъ, что онъ былъ врагомъ всякой „живой мысли“. Гиляровъ же, хотя и не дѣлаетъ такого ужаснаго вывода, тѣмъ не менѣе не можетъ пріискать никакого объсненія, которое извиняло бы поступокъ Филарета. Онъ задаетъ себѣ запросы: „что, однако, такъ встревожило „владыку“ (ковычки Гилярова) въ откровенномъ признаніи Платона? Чѣмъ оскорблялась память знаменитаго іерарха? Какое пятно ложилось на нее“? Попытаемся сдѣлать то, чего не сдѣлалъ Гиляровъ, — объяснить, въ какомъ отношеніи резолюція Платона могла бы заслуживать той суровой участи, какой она неожиданно подверглась.

Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что слова Платона начертаны на рукописи, вѣроятно, ему принадлежащей. Они не назначались для публики, и очень возможно, что они выражали его мимолетную мысль, которую онъ не сталъ бы отстаивать, если бы

---

[1]) „Сборникъ сочиненій“, 282—4.

встрѣтилась ему въ этомъ надобность. Каждый изъ насъ, т.-е. лицъ, прикосновенныхъ къ наукѣ, пишетъ такъ много замѣтокъ, соображеній и мыслей мимоходомъ, для себя лично, что едва ли даже одною четвертью изъ нихъ мы пользуемся для своихъ печатныхъ трудовъ. Возможно, что разсматриваемыя слова Платона, что называется, сорвались у него съ языка. Они вполнѣ выражали бы взглядъ автора въ томъ только случаѣ, если бы онъ былъ заявленъ печатно или же былъ выраженъ съ цѣлію руководства для другихъ. Оказывается, митр. Платонъ любилъ испещрять „своими замѣтками тѣ книги, которыя онъ читалъ“ [1]). Въ числѣ такихъ замѣтокъ и на ряду съ ними могли возникнуть такимъ же образомъ и изучаемыя нами слова Платона. Притомъ, нельзя не находить въ разбираемыхъ словахъ Платона нѣкотораго противорѣчія съ книгою этого митрополита, подъ заглавіемъ: „Православное ученіе или христіанская богословія“ (о чемъ Филаретъ, конечно, зналъ лучше профессоровъ пятидесятыхъ годовъ и, конечно, гораздо лучше насъ). Въ книгѣ этой Платонъ говоритъ съ большимъ уваженіемъ о соборахъ. Онъ разсуждаетъ: „когда случится въ церкви Христовой развращенный христіанинъ (т.-е. еретикъ), который выдумалъ нѣкоторыя пагубныя противъ истины мнѣнія, то въ такомъ случаѣ бываетъ вселенскій или помѣстный соборъ, т.-е. главнѣйшіе пастыри церковные собираются во едино мѣсто, гдѣ довольно изслѣдывая новое мнѣніе и нашедши оное съ словомъ Божіимъ несходно, объявляютъ всей Церкви, что то мнѣніе есть истинѣ Божіей противно. Такихъ соборовъ было вселенскихъ седмь“ [2]). Никакихъ ограниченій по отношенію къ вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ здѣсь не положено: ни о какой „ошибочности“, хотя бы нѣкоторыхъ „соборныхъ приговоровъ“ нѣтъ рѣчи) С. М. Соловьевъ); нѣтъ рѣчи и о томъ, что иногда „правила соборовъ“ составлялись „по пристрастію“ (Гиляровъ). О церковномъ преданіи, т.-е. объ церковныхъ установленіяхъ позднѣйшихъ временъ, по сравненію съ вѣкомъ апостольскимъ, Платонъ разсуждаетъ въ указанной „Богословіи“ не сходно съ тѣмъ, что читается въ его резолюціи. Здѣсь онъ пишетъ: „въ церкви многія суть обряды отъ апостоловъ *или отъ ихъ преемниковъ установленныя* и всею святою древностію содержанныя: въ которыхъ единственно хотя спасеніе наше не состоитъ,

[1]) „Извлеченіе изъ писемъ митр. Платона“. „Чтен. въ Общ. Любит. Дух.

[2]) Митр. Платона. „Правосл. ученіе или христіанская богословія“, стр. 56 и оборотъ. Спб., 1791.

однако довольную свою имѣютъ пользу и *со всякимъ почтеніемъ оныя наблюдать одолжаемся.* Такіе обряды *свято хранитъ наша Церковь*; однако отвергаетъ суевѣрства, т.-е. такія преданія, которыя или слову Божію противны или *святой древности неизвѣстны*“ [1]). Здѣсь нѣтъ никакого намека, что въ „писаніяхъ церковныхъ учителей много погрѣшительнаго“ (Гиляровъ). Иногда Платонъ даже прямо защищалъ книги церковныхъ учителей отъ слишкомъ строгой критики. Митрополитъ этотъ въ 1799 г. писалъ одному архіерею о церковной исторіи блаж. Ѳеодорита. „Что цитированное мною мѣсто изъ Ѳеодорита (а это мѣсто, скажу мимоходомъ, я, нижеподписавшійся, отнюдь не приму въ качествѣ точнаго историческаго указанія) о поносной смерти Арія должно быть исключено, я не легко соглашаюсь на это. *Иначе на томъ же основаніи и прочія его повѣствованія*, если они противны нашимъ мнѣніямъ, или должны быть исключены, или же не заслуживаютъ вѣроятія“ [2]). Здѣсь Платонъ рѣшительно становится на защиту авторитета церковныхъ писателей.—Но всего важнѣе то, что мнѣнія Платона, выраженныя въ извѣстной резолюціи, оказались въ прямомъ противорѣчіи съ учебниками, принятыми въ духовныхъ школахъ XIX вѣка, и даже съ книгами символическаго значенія. „Православное исповѣданіе“ Петра Могилы учило будущихъ пастырей Церкви: „члены вѣры получаютъ возможность и твердость частію отъ св. Писанія, частію отъ церковнаго преданія и ученія соборовъ и св. отцовъ. Догматы суть двоякаго рода: одни преданы письменно и содержатся въ книгахъ Св. Писанія, другіе же преданы устно апостолами и сіи-то были объяснены соборами и св. отцами, на сихъ—*двоякаго рода* догматахъ основывается наша вѣра, которую надлежитъ не только хранить въ тайнѣ, но и устами возвѣщать“. Понятіе о Церкви „побуждаетъ насъ вѣровать не только въ св. Евангеліе, но и во всѣ другія Писанія и соборныя опредѣленія“ [3]). Еще серьезнѣе было разногласіе мыслей Платона съ символическою книгою грекоюточной, и конечно, и русской церкви, именно такъ-называемымъ „Изложеніемъ православнаго исповѣданія восточно-каѳолической церкви“, въ концѣ 30-хъ годовъ переведеннымъ съ греческаго языка на русскій и раздаваемымъ всѣмъ кончающимъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.

[2]) Извлеченіе изъ писемъ Платона (Loc. cit.), стр. 55.

[3]) Православное исповѣданіе каѳолической церкви, стр. 3. 4. 86. М. 1852.

курсъ семинаріи въ напутствіе. Здѣсь говорилось: „вѣруемъ, что свидѣтельство каѳолической церкви *не меньшую имѣетъ силу, какъ* и божественное *Писаніе*. Поелику виновникъ того и другого есть одинъ и тотъ же Св. Духъ; то все равно — отъ Писанія ли научаться или отъ вселенской Церкви. Вселенская Церковь, такъ какъ она не говорила и не говоритъ отъ себя, но отъ Духа Божія, *никакъ не можетъ погрѣшать*, ни обманывать, *ни обманываться*; но *подобно* божественному *Писанію не погрѣшительна* и имѣетъ всегдашнюю важность“ (членъ 3). „Господь нашъ І. Христосъ *Самъ*, какъ глава, держа кормило правленія Церкви, *управляетъ ею посредствомъ св. отцевъ*“ (чл. 10). „Чистую *вѣру* Спасителя Христа *пріяли мы* отъ Самого Христа, *отъ* апостоловъ и *св. вселенскихъ соборовъ*“ (чл. 11). „Духъ Святый *учитъ* Церковь *чрезъ св. отцевъ* и учителей каѳолической церкви,—чрезъ посредство тѣхъ св. отцевъ и учителей, *которыхъ правила признаны святыми всел. соборами*, чего *мы не перестанемъ повторять*“ (чл. 12) [1]). Кажется, яснѣе ничего не можетъ быть. Что же долженъ былъ сдѣлать митр. Филаретъ? Ставить ли выше: авторитетъ Платона или авторитетъ символической книги православія? Да вѣдь такого и вопроса нельзя давать, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе „урѣзанія документа“ ничего не потеряла ни наука, ни Церковь! Пострадалъ отъ всего этого только великій святитель, имя котораго изъ-за этого ничтожнаго случая треплется въ газетахъ („Русь“)[2], журналахъ („Вѣст. Евр.“ — трижды), въ книгахъ („Сборникъ сочиненій“ Гилярова) и, конечно, дѣло на этомъ не остановится и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наука, *подобно раскольникамъ*, букву будетъ ставить выше всего на свѣтѣ, будетъ плакаться надъ потерей документа только потому, что въ наше время цѣна на слезы еще очень высока. Плачетъ — значитъ страдаетъ, страдаетъ—значитъ мученикъ и герой.— Вѣдь, наконецъ, теперь едва ли кто не знаетъ того, что самъ Филаретъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ былъ на плохомъ счету въ высшихъ сферахъ и долженъ былъ держаться очень осторожно. Проф. П. И. Горскій пишетъ: „люди, не знавшіе и не подготовленные къ наложенной самими на себя задачѣ охранять правоту православнаго ученія, стали возводить на митрополита Филарета обвиненія въ наклонности и къ

---

[1]) Дѣлаемъ ссылки на изданіе: „Царская и патріаршія грамоты съ изложеніемъ православнаго исповѣданія и т. д. М. 18.

[2]) Разумѣемъ *Русь* Аксакова, гдѣ въ 1884 г., № 19, впервые была напечатана статья Гилярова: : „Урѣзанный документъ“.

раціонализму, и къ масонству, и даже—не легко вымолвить—къ якобинству въ богословіи [1]). Дтя Филарета закрыты были ворота Петербурга... Неудивительно, что митр. Филаретъ, очень твердый духомъ, доводимъ былъ до плача горькими слезами (?). Такое положеніе испытывалъ митрополитъ лѣтъ семнадцать. Въ этотъ тяжелый періодъ — это извѣстіе для насъ очень важно — практикуемы были разного рода *нападенія и на академію,* находившуюся подъ непосредственнымъ главнымъ руководствомъ моск. владыки. То откажутъ въ ученой степени тому или другому студенту, отыскавъ въ его магистерской (тогда рукописной) диссертаціи грѣхи, будто бы не усмотрѣнные митр. Филаретомъ; то достанутъ своими стрѣлами Цензурный Комитетъ, составлявшій особое отдѣленіе академической конференціи. Понятно (и очень понятно!), что митр. Филарету приходилось усиленно напрягать вниманіе, *какъ бы не* подать повода *досадить* ему или близкой его сердцу *академіи.* Снисходительность приходилось отодвигать подальше" [2]). Понятно очень теперь и то, что огласившаяся въ средѣ студентовъ Моск. духовной академіи соблазнительная (главнымъ образомъ по своему рѣзкому тону) извѣстная резолюція митр. Платона (а это было въ 1852 г., когда всякаго рода реакція достигла небывалой силы), потребовала неминуемо какой-нибудь мѣры, которая лишила бы возможности недруговъ Филарета распространять молву, что, молъ—въ Моск. академіи появились и распространяются идеи, вредныя для Православія. Итакъ, Филаретъ несомнѣнно „урѣзалъ документъ", но этимъ повредилъ единственно себѣ, повредилъ своей доброй памяти, не совершивъ однако никакого преступленія предъ наукою, если разсматривать ее безпристрастно.

Развивая мысль о „самодурствѣ" митр. Филарета, С. М. Соловьевъ, кромѣ урѣзаннаго документа, останавливается своимъ вниманіемъ еще на двухъ будто бы на самомъ дѣлѣ существовавшихъ фактахъ. Какіе же это факты? Фактъ—номеръ первый. „Какой-то невѣжда—говоритъ авторъ „Записокъ" —написалъ книгу противъ раскольниковъ, гдѣ мнѣніе папы Иннокентія III (?) приписалъ Иннокентію II, другу Іоанна Златоуста (!), а другой (??) невѣжда поставилъ (что значитъ: *поставилъ?*) обоихъ Иннокентіевъ

---

[1]) По этому вопросу можно было бы указать многочисленныя серьезныя сочиненія, но не видимъ въ этомъ надобности. См. впрочемъ: Морошкина свящ. „Матеріалы для исторіи правосл. церкви въ царствованіе Николая I", кн. I, 37—8. С.-ПБ. 1902. (Въ „Сборн. русск. историческаго Общ.", т. 113).

[2]) „Голосъ стараго профессора", 10—11.

и приписалъ имъ одно и то же мнѣніе (едва ли велика бѣда — замѣтимъ мы). Книга проходила чрезъ академическую цензуру (не ясно, должны сказать мы, ибо было здѣсь двѣ цензуры—цензура диссертацій и общая цензура духовныхъ книгъ); профессора представили ее Филарету съ указаніемъ явной нелѣпости (но почему же они, спрашивается, не поступили проще, какъ тогда всегда дѣлалось: почему не поправили сами напередъ?). „Пропустить, отвѣчалъ Филаретъ: это можетъ принести *пользу*“ (стр. 79. Курсивъ не нашъ).—Что сказать по поводу этого разсказа? Разсказа этого не должно существовать подъ перомъ историка. Изъ него не только нельзя дѣлать никакого вывода, но и его понять невозможно. Кто писалъ — неизвѣстно. Что писали—неизвѣстно. При чемъ тутъ какіе-то профессора и зачѣмъ они глупость показывали серьезнѣйшему ученому—непостижимо. Даже въ романахъ о мало извѣстныхъ автору вещахъ обыкновенно находимъ больше ясности, чѣмъ здѣсь. Въ разсказѣ самымъ непозволительнымъ образомъ перемѣшаны два Иннокентія: Иннокентій II съ Иннокентіемъ I, съ которымъ, дѣйствительно, переписывался Іоаннъ Златоустъ; но первый изъ вышеупомянутыхъ Иннокентіевъ правилъ римскою церковію отъ 1130 до 1143 г., а второй — отъ 402 по 417 годъ (хронологическій lapsus въ нѣсколько столѣтій). Нельзя даже сдѣлать поправку (какъ дѣлаетъ произвольно Вл. С. Соловьевъ, стр. 701) и замѣнить во второмъ случаѣ Иннокентія II-го I-мъ, ибо нельзя въ дух. академіи отыскать такого невѣжественнаго человѣка, который „приписалъ бы мнѣніе“ Иннокентія III-го Иннокентію I-му: вѣдь это два индивидуума съ разныхъ планетъ въ исторіи [1]). Невозможно считать и называть Иннокентія I другомъ Златоуста; между ними не было и не могло быть никакой дружбы. Златоустъ среди своихъ бѣдствій на Константинопольской каѳедрѣ и въ особенности въ изгнаніи (въ закавказскомъ Кукузѣ) обращался за возможною помощію къ римскому епископу; но послѣдній ничѣмъ не могъ помочь ему и холодно рекомендовалъ константинопольскому страдальцу упражняться „въ терпѣніи“; мало того: западный собратъ его воспольз-

[1]) Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, Соловьевъ поѣхалъ заграницу, былъ въ Берлинѣ. Здѣсь ему представился случай слушать лекціи по Исторіи Церкви. Онъ пишетъ: „Слышалъ я Неандера, знаменитаго церковнаго историка; лекція его была жидка по содержанію, въ ней не было ничего для меня неизвѣстнаго, не было и новыхъ мыслей“ („Записки“. *Вѣстн. Евр.* 1907, апр. 459) Очевидно, онъ не нашелъ нужнымъ учиться у Неандера.

зовался замѣшательствомъ въ восточной столицѣ въ своихъ личныхъ интересахъ, сталъ домогаться отмѣны опредѣленій II вселенскаго собора, возвысившаго Константинопольскую каѳедру въ церковномъ рангѣ [1]). Ужъ какая тутъ дружба!

С. М. Соловьевъ, неутомимый въ отысканіи фактовъ, порочащихъ м. Филарета и выставляющихъ его презрителемъ науки и самодуромъ, сообщаетъ еще слѣдующія свѣдѣнія: „однажды Филаретъ (неизвѣстно—когда) выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь (профессоръ или студентъ?) занялся опроверженіемъ Сведенборга, имѣющаго читателей и почитателей. Одинъ ученый (какъ увидимъ ниже: просто студентъ) занялся дѣломъ и представилъ ректору (архим. Алексію—пояснимъ) изложеніе ученія Сведенборга и опроверженіе. Первая часть, изложеніе ученія, ужаснула (!) ректора: „какъ можно такъ писать! Сведенборгъ выходитъ у васъ очень уменъ“! И давай вычеркивать изъ сочиненія все то, что могло выставить Сведенборга въ сколько-нибудь выгодномъ свѣтѣ; ревность о. ректора дошла до того, что, встрѣтивъ извѣстіе: въ одной гостиницѣ Сведенборгъ имѣлъ видѣніе онъ зачеркнулъ: „гостиница“ и написалъ: „кабакъ“. Въ этомъ исправленномъ видѣ сочиненіе было представлено Филарету; но тотъ нашелъ, что и тутъ оно представляетъ Сведенборга въ выгодномъ свѣтѣ, и еще перемаралъ, такъ что когда ректоръ послѣ этого опять началъ читать статью, то Филаретъ съ самодовольнымъ смѣхомъ (кто такъ говоритъ, тотъ совсѣмъ не зналъ митр. Филарета) повторилъ: „какой этотъ Сведенборгъ былъ дуракъ!“ (стр. 79). Въ высшей степени невѣроятный разсказъ, особенно въ этихъ заключительныхъ словахъ. Насколько намъ удалось собрать документальныя свѣдѣнія по вопросу о сочиненіи, касающемся Сведенборга и дѣйствительно писанномъ въ Моск. академіи,—дѣло было такъ. Въ 1849 году самъ митрополитъ пожелалъ, чтобы какому-либо лучшему студенту (это вмѣсто воображаемаго историкомъ „ученаго“) дали тему для магистерской диссертаціи о Сведенборгѣ († 1772) мистикѣ и апокалиптикѣ. Причина этого желанія заключалась въ томъ, что книга видѣній этого писателя начинала распространяться въ русскомъ обществѣ и производить недоброе впечатлѣніе; поэтому у м. Филарета появилось желаніе видѣть ея опроверженіе съ богословской точки зрѣнія.

---

[1]) Документы, сюда относящіеся, можно находить въ изданіи „Твореній св. Златоуста“. Переводъ. Т. III, стр. 550—560. Спб. 1897.

Начальство академическое указало эту тему второму студенту тогдашняго старшаго курса Вас. Ив. Лебедеву. Любопытно отмѣтить, что митрополитъ очень заботился о наилучшемъ исполненіи студентомъ своей задачи. Онъ самъ пріобрѣталъ и посылалъ въ академію книги, нужныя въ работѣ молодого человѣка. При одномъ случаѣ онъ писалъ ректору (арх. Алексію Ржаницину): „посланныхъ книгъ, кажется, довольно, чтобы разсуждать о Сведенборгѣ“. При этомъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о какой-то книгѣ другого автора. „Книга Arcana coelestia есть толкованіе на книгу Бытія по методѣ Сведенборга: лица и событія превращены въ идеи истины и блага, лжи и зла“. Какое вниманіе, и какія знанія! 70 лѣтній старецъ учитъ Академію! Сочиненіе, наконецъ, написано. Читалъ ли его ректоръ и заставлялъ ли автора исправлять сочиненіе, уменьшить выпуклость идей Сведенборга, наши документы молчатъ. Но возможно, что такъ было. Алексій не отличался умомъ и познаніями. Затѣмъ, авторъ, Лебедевъ, повидимому благополучно получилъ за сочиненіе степень магистра, ибо онъ значится въ спискѣ окончившихъ вторымъ магистромъ и приглашенъ былъ на каѳедру исторіи философіи въ академію. Дальше, очевидно, у митрополита возникло желаніе напечатать трудъ Лебедева (въ то время степени давались за рукописныя диссертаціи). Но Филаретъ долго не могъ найти времени для ознакомленія съ сочиненіемъ. Въ ноябрѣ 1850 г. онъ писалъ Алексію. „До листовъ (тетрадей) о Сведенборгѣ (митрополитъ пишетъ вездѣ: Шведенборгъ) не доходятъ еще руки“ Наконецъ онѣ дошли „до листовъ“. Это было не ранѣе начала 1851 года. Нужно полагать, что митрополитъ былъ не въ восторгѣ отъ диссертаціи. Онъ писалъ извѣстному А. Н. Муравьеву. „Какъ это вы провѣдали (повидимому, Муравьевъ жилъ въ Петербургѣ въ это время), что дѣлается съ разсужденіемъ студента (точнѣе было бы сказать: со студенческимъ сочиненіемъ) о Шведенборгѣ“. (Дѣло, конечно, идетъ о томъ, что Филаретъ рѣшился было напечатать сочиненіе и, навѣрно, тормошилъ и ректора и автора). „Въ немъ, говоритъ далѣе владыка, есть дѣльное; но встрѣчены были также соображенія догадочныя и подверженныя возраженіямъ, почему сочинитель продолжаетъ надъ нимъ трудиться“ [1].

---

[1]) Письма митр. Филарета къ архіеп. Алексію. Письма: 58. 85. М. 1883. Письма его же къ Ан. Н. Муравьеву (пис. 226). Кіевъ. 1869. С. К. Смирнова. Исторія м. д. академіи, стр. 52. 392. М. 1879.

Работа митрополита и Лебедева кончилась ничѣмъ. Диссертація не увидѣла свѣта. Въ исторіи Московской академіи С. К. Смирнова нѣтъ упоминанія о ея напечатаніи, что обыкновенно дѣлается здѣсь въ случаѣ обнародыванія рукописной диссертаціи: вѣдь, это было тогда рѣдкостью. Какъ не похожа разсказанная нами исторія съ диссертаціею В. И. Лебедева на ту исторію, которую какой-то „сочинитель“ передалъ С. М. Соловьеву и которую этотъ довѣрчиво записалъ „для дѣтей своихъ, а если возможно и для другихъ“. Послѣднее замѣчаніе нужно признать напраснымъ, по крайней мѣрѣ для той части „Записокъ“, которая сообщаетъ свѣдѣнія о Филаретѣ и другихъ архіереяхъ Филаретовской эпохи.

Изобразивъ м. Филарета, какъ деспота по отношенію къ академіи и „самодура“ по отношенію къ богословской наукѣ, московскій историкъ старается выставить его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, какъ человѣка, пресмыкавшагося предъ особами, много высшими его. Деспотъ въ этомъ случаѣ превращается въ низкаго угодника и тряпку. Самымъ характеристическимъ фактомъ въ подобномъ родѣ С. М. Соловьевъ считаетъ слѣдующее. Указавъ на то, какъ будто бы не легко Филаретъ переносилъ свое отстраненіе изъ Синода (его съ 1842 г. оберъ-прокуроръ Протасовъ въ Синодъ не вызывалъ), С. М. затѣмъ пишетъ: „митрополитъ не могъ свыкнуться съ мыслію жить внѣ благосклонности царской архіереемъ опальнымъ, ибо опала эта уменьшала его значеніе; онъ сталъ льстить; поднесъ голубя, который возвратился къ нему съ масличною вѣтвью, знаками благоволенія“. Къ слову: „голубя“ въ „Запискахъ“ С. М. Соловьева читаемъ такое подстрочное замѣчаніе. „При торжествѣ двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая I Филаретъ отъ имени всего московскаго духовенства, которое ничего объ этомъ не вѣдало (не правда!), просилъ у государя позволенія соорудить надъ престоломъ Успенскаго собора изображеніе св. Духа, въ видѣ голубя“. (стр. 77). Но, увы, С. М. Соловьевъ неправильно описалъ этотъ даръ въ честь государя. Если бы онъ зналъ все въ этомъ случаѣ, его негодованіе на Филарета удвоилось бы. Вотъ точное описаніе дара, принесеннаго московскимъ духовенствомъ въ честь 25-лѣтія коронованія Николая I. Важнѣйшую достопримѣчательность Успенскаго собора составляетъ „драгоцѣнная дарохранительница въ немъ, изображающая собою голубя съ распростертыми крыльями, какъ бы нисходящаго съ небесъ. А надъ нимъ царская корона и держава (какой ужасъ,—„корона и держава!“) съ раскры-

тою хартіею (и это есть!), на которой вырѣзана слѣдующая молитвенная надпись: „Господи, благословивый двадцатипятилѣтіе помазанника Твоего Николая Перваго, благослови и грядущая лѣта его къ миру Церкви Твоея, къ спасенію людей Твоихъ“ [1]). Все это массивное сооруженіе виситъ надъ престоломъ. Было надъ чѣмъ изощрить свое остроуміе С. М. Соловьеву, если бы только онъ зналъ всѣ эти подробности памятника. Но видно (до своего ректорства), онъ въ Успенскій соборъ не заглядывалъ, въ противномъ случаѣ онъ зналъ бы о составныхъ частяхъ дарохранительницы, хорошо зримой чрезъ царскія двери. Но какъ смотрѣть и какъ судить объ этомъ святомъ приношеніи? Во 1-хъ, основная мысль дарохранительницы — устроеніе ея въ видѣ голубя—идея совсѣмъ не Филаретовская. До 1812 г. надъ указаннымъ престоломъ висѣлъ на серебряной цѣпочкѣ дароносный золотой голубь; но во время нашествія французовъ эта драгоцѣнная и древняя утварь была похищена врагами [2]). Значитъ, митр. Филаретъ лишь воспользовался случаемъ возстановить древнее украшеніе. Правда, онъ прибавилъ къ нему изображеніе короны и державы, но это очень подходило къ событію исполнившагося 25-лѣтія *коронованія* Николая; мало того, въ цѣломъ этотъ памятникъ долженъ былъ напоминать и самому митрополиту о томъ, что 25 лѣтъ тому назадъ онъ возведенъ былъ въ санъ митрополита въ одинъ и тотъ же день съ коронованіемъ императора, *22 августа 1826 года* [3]). Замѣтьте, императоръ нарочито пріѣхалъ къ этому дню въ Москву, чтобы помолиться въ томъ храмѣ, гдѣ происходило его коронованіе, пріѣхалъ въ первый разъ по только что закончившейся строеніемъ желѣзной дорогѣ. Сколько, значитъ, было побужденій *поднести голубя*, помимо низкой, несвойственной Филарету лести! Прочтите то „вѣрноподданническое письмо“, съ которымъ митрополитъ обращается къ государю, испрашивая его разрѣшенія воздвигнуть дарохранительницу, уже напередъ отлитую, и вы увидите, что въ этомъ письмѣ нѣтъ ни одного льстиваго слова. 22 *августа* 1851 г. государь удостоеваетъ рескриптомъ митрополита Филарета, но въ этомъ рескриптѣ

---

[1]) Протопресв. Вл. С. Маркова. Изъ Московской церковной старины. Вып. 1, стр. 26—27. М. 1905. Здѣсь же приложенъ и прекрасный рисунокъ грандіозной дарохранительницы.

[2]) Тамъ же, стр. 26.

[3]) Письма м. Филарета къ Муравьеву (Пис. 234). Сл. Послужной списокъ Филарета, наприм., при книгѣ Сушкова: Записки о жизни Филарета.

восхваляется не онъ, а московское духовенство, на свои средства соорудившее памятникъ. Здѣсь читаемъ: „съ душевною благодарностію соизволяю на это приношеніе, видя въ немъ *новое доказательство вѣрноподданнической преданности* и тѣхъ отличныхъ *достоинствъ*, которыя всегда *украшали московское духовенство*“ [1]). Неужели послѣ этого можно говорить, что *московское духовенство не вѣдало ничего* о готовившемся дарѣ въ честь 25-лѣтія царскаго коронованія Николая? Эту мысль нужно отвергать, тѣмъ болѣе что сохранилась *собственноручная резолюція* Филарета *отъ 22 же августа*, въ которой онъ приказываетъ консисторіи увѣдомить духовенство о результатѣ своего ходатайства предъ царемъ. „Для ясности дѣла дать тоже списокъ—писалъ въ резолюціи святитель — и съ всеподданнѣйшаго письма“ (т.-е. своего прошенія) [2]). Неужели мыслима такая безцеремонность, чтобы Филаретъ приказалъ увѣдомить все духовенство о соизволеніи царскомъ относительно дара, между тѣмъ какъ оно ничего и не вѣдало о затѣѣ своего архипастыря (какъ утверждаетъ московскій историкъ)? Наконецъ, напрасно С. М. Соловьевъ иронически говоритъ о „масличной вѣтви“, которую будто бы принесъ Филарету фальшивый „голубь“ и о какихъ-то знакахъ благоволенія царя къ митрополиту. *22 августа* митрополитъ получилъ не особенно рѣдкую награду, алмазную панагію, при чемъ сказано, что она пожалована „не за голубя“, *а по случаю исполнившагося тридцатилѣтія архипастырской дѣятельности и двадцатипятилѣтія въ санѣ митрополита* Московскаго 70-тилѣтняго іерарха [3]).

Кромѣ м. Филарета, С. М. Соловьевъ въ своихъ „Запискахъ“ касается и нѣкоторыхъ другихъ іерарховъ, служившихъ хотя бы и не всю жизнь въ Московской епархіи. Разборъ свѣдѣній о нихъ у С. М. Соловьева не входитъ въ нашу задачу, однакожъ для примѣра остановимся на его показаніяхъ о митрополитѣ Серафимѣ, короткое время (1819—21 г.) занимавшемъ Московскую каѳедру. Вотъ что говоритъ о немъ нашъ историкъ. „Преемникомъ Августина (въ Москвѣ) былъ Степанъ (?!), въ иночествѣ Серафимъ; посвященіе его въ монахи любопытно. Онъ былъ хорошъ собою и счастливъ съ женщинами; однажды къ (митр.) Платону дошла

[1]) Сборникъ по случаю празднованія столѣтняго юбилея митр. Филарета. Т. I. Матеріалы, 724—725. М. 1883.

[2]) Документъ полученъ изъ рукописной коллекціи резолюцій м. Филарета, имѣющейся у о. протопресв. Вл. С. Маркова.

[3]) См. Послужной списокъ его.

сильная жалоба на семинарскаго ловеласа (семинариста?); Платонъ, любившій вербовать всѣми неправдами въ монахи, воспользовался случаемъ и предложилъ молодому преступнику на выборъ: или жестокое наказаніе, лишеніе будущности, или постриженіе въ архіерейство (вдругъ!). Степанъ избралъ послѣднее и превратился въ Серафима. Послѣ этого событія однажды Платонъ гулялъ съ профессорами академіи по двору Троицкаго монастыря (очевидно лавры) и занимался любимою своею забавою: взглянувши на какой-нибудь предметъ, онъ произносилъ первый стихъ, относящійся къ этому предмету, а спутники должны были подбирать приличный второй стихъ. Взглянувши на старый царскій дворецъ, Платонъ произнесъ: „Чертоги зрю монарши“. Изъ толпы спутниковъ немедленно послышался второй стихъ: „погибъ Степанъ отъ секретарши“. Этотъ Степанъ, или Серафимъ, оказался человѣкомъ бездарнымъ“ и пр. (стр. 76). Таковъ разсказъ, записанный московскимъ историкомъ. Епископъ и даже митрополитъ сначала Московскій, а потомъ Петербургскій, первый членъ русской правящей церкви—не угодно ли?—изъ блудниковъ: ради блуда и только ради блуда, онъ „постриженъ (посвященъ?) въ архіереи“, по мнѣнію С. М. Соловьева. Бѣдная русская церковь! Неужели таковы твои епископы и митрополиты? Прежде всего обратимъ вниманіе на отсутствіе логики въ разсказѣ. Всѣ профессора знали, что они гуляютъ и ведутъ бесѣду съ Платономъ, который былъ самъ монахомъ и какъ видно даже изъ разсказа покровительствовалъ монахамъ. И что же? Въ отвѣтъ на первый стихъ Платона: „чертоги зрю монарши“, они, забывъ всякую деликатность и приличіе, будто бы говорятъ: „погибъ Степанъ отъ секретарши“. Да ужели же профессора не понимали, что такимъ отвѣтомъ они прямо оскорбляли своего главнаго начальника? „Погибъ отъ секретарши“! Такъ, значитъ: монашество есть погибель! И это будто бы мелютъ профессора духовной семинаріи (или академіи) предъ іерархомъ-монахомъ! Здѣсь нѣтъ складу. Еще лучшимъ опроверженіемъ невѣроятнаго разсказа служатъ біографическія свѣдѣнія о м. Серафимѣ. С. К. Смирновъ, проф. Моск. дух. академіи, много лѣтъ (въ 1844—1870 г.) преподававшій здѣсь *русскую исторію*, въ „Исторіи моск.-славяно-греко-латинской академіи“ пишетъ: „Серафимъ (Стефанъ) Глаголевскій родился въ 1757 г. и учился сперва въ Калужской, потомъ въ Перервинской и Троицкой семинаріяхъ. Въ 1783 г. перешелъ въ вышеназванную академію, въ которой

слушалъ богословіе и въ то же время поступивъ на содержаніе дружескаго ученаго Общества (находившагося подъ управленіемъ извѣстнаго масона Новикова), учился нѣмецкому и французскому языку, на которыхъ могъ говорить [1]). Въ 1785 г. опредѣленъ въ Троицкую семинарію учителемъ, а черезъ годъ переведенъ въ славяно-гр.-лат. академію учителемъ же. Постриженъ въ монашество въ *Заиконоспасскомъ* монастырѣ 2 декабря 1787 года" и т. д. Значитъ онъ постриженъ вовсе не въ бытность семинаристомъ, и не въ Троицкой лаврѣ, какъ сообщаетъ С. М. Соловьевъ, а въ то время, когда онъ былъ учителемъ академіи и притомъ въ Москвѣ. Интересно отмѣтить, что для постриженія его въ монахи выискались даже препоны, которыя не безъ труда пришлось преодолѣть. Когда Глаголевскій, пишетъ историкъ Смирновъ, объявилъ желаніе принять монашество, то начальство академіи требовало отъ него показанія—сколько ему лѣтъ. Глаголевскій написалъ: „по увѣренію моихъ родителей и по другимъ достовѣрнѣйшимъ справкамъ имѣю отъ роду 30 лѣтъ; а что въ семинарскихъ вѣдомостяхъ показано мнѣ гораздо меньше лѣтъ, т. е. только 23; сіе сдѣлано по ошибкѣ". Постриженъ онъ вслѣдствіе синодскаго указа" [1]). При чемъ же тутъ миѳическая секретарша? Итакъ, „Степанъ" погибъ совсѣмъ *не отъ секретарши*, а погибъ онъ, во мнѣніи читателей „Вѣстника Европы", отъ довѣрчиваго пера нашего московскаго историка. Ничтожные анекдоты, не заслуживающіе сколько-нибудь серьезнаго вниманія, принимаются за подлинно-историческія извѣстія. *Такъ пишется церковная исторія у насъ.*

Попытка оправдать историка С. М. Соловьева.—Онъ писалъ свои записки съ намѣреніемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, исправить ихъ, пересмотрѣть и что нужно измѣнить въ нихъ. Его сынъ Всев. С. Соловьевъ, свидѣтельствуетъ, что отецъ его говорилъ ему о своихъ „Запискахъ": „когда освобожусь (т. е.

---

[1]) Серафимъ въ XVIII в. умѣлъ читать и говорить по-французски и понѣмецки! Едвали такого человѣка признаетъ кто „бездарнымъ", какъ дѣлаетъ С. М. Соловьевъ. Его считали даже либераломъ за то, что онъ стоялъ въ связяхъ съ Новиковымъ и по этой причинѣ очень долго не давали ему ректорской должности въ Московской академіи, несмотря на старанія объ этомъ м. Платона (Чтенія въ общ. люб. д. просвѣщ. 1877, III. Матеріалы, 49—50). Серафимъ слылъ либераломъ—но этого, очевидно, не зналъ С. М., иначе онъ не сталъ бы поносить его. (Сл. Вѣстн. Евр., 1896, май, стр. 442).

[1]) Исторія славян-гр.-лат. академіи, стр. 358.

когда окончитъ исторію Россіи), я пересмотрю ихъ, отдѣлаю и дополню". Самъ же Всев. Соловьевъ пишетъ съ увѣренностію, что „при окончательной редакціи своей рукописи (записокъ) авторъ кое-что смягчилъ бы и многое дополнилъ бы говорящими за себя фактами" [2]). Такъ безъ сомнѣнія и было бы, но неумолимая смерть (онъ умеръ на 60 г. жизни) разстроила всѣ его планы. Что же касается вообще неправильнаго, невыгоднаго мнѣнія о м. Филаретѣ, то при его жизни оно встрѣчалось у многихъ москвичей. Причина этого лежитъ, какъ это разъяснено А. М. Бухаревымъ, въ характерѣ м. Филарета не выставлять на показъ своей сердечной стороны. Я самъ, пишущій эти строки, долго не понималъ м. Филарета и относился къ нему съ предубѣжденіемъ, какъ человѣку суровому и желающему мѣрить всѣхъ на свой аршинъ. Много вредило Филарету въ моихъ глазахъ и то, что въ дѣтствѣ я наслушался разныхъ неблагопріятныхъ разсказовъ о немъ отъ своего отца, сельскаго священника Моск. епархіи. Не понимаю—откуда онъ ихъ набрался и не понимаю того, какъ онъ могъ изображать митрополита въ такихъ краскахъ, не видѣвъ отъ этого послѣдняго ничего другаго, кромѣ снисхожденія, терпѣнія и благодѣяній. Долго я оставался въ своемъ заблужденіи касательно Филарета, пока, въ послѣднее время, пользуясь бо́льшимъ досугомъ, не перечиталъ его многочисленныхъ интимныхъ писемъ къ Антонію, (4 тома), Иннокентію (викарію), Филарету Гумилевскому, Алексію Муравьеву, роднымъ своимъ и т. д. Тогда только я возлюбилъ его всею душею и считаю его гуманнѣйшимъ человѣкомъ, но скрывавшимъ свою гуманность подъ маскою оффиціальности [1]).—Нужно сказать, что С. М. Соловьевъ во дни своего отрочества былъ не въ лучшихъ жизненныхъ условіяхъ, чѣмъ и я. На немъ отразилось неблаго-

---

[2]) *Рус. Вѣст.*, 1896, Февр., стр. 2—3.

[1]) Плодомъ моихъ домашнихъ занятій Филаретомъ была публичная лекція, произнесенная въ моск. епархіальномъ домѣ 1 декабря, въ именины святителя, 1904 года и напечатанная въ *Душ. Чтен.*, за 1905 г., подъ заглавіемъ: „Черты нравственнаго облика м. Филарета". Она издана дважды: сначала въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, а потомъ вошла въ серію такъ наз. „Троицкихъ Цвѣтковъ", № 49 (подъ другимъ заголовкомъ), издаваемыхъ нашею лаврою. 1906 г.).—Много страницъ посвятили мы защитѣ нравственнаго характера этого іерарха въ *Бог. Вѣст.*, за 1907 г., майск. кн., стр. 132—142. (Въ статьѣ: „Два піонера церковно-истор. науки"). Предлежащая статья есть новая попытка охранять честь и славу московскаго святителя. Я становлюсь жаркимъ адептомъ лучшихъ Филаретовскихъ идеаловъ и его самого и нахожу въ этомъ большое наслажденіе.

пріятно въ церковномъ отношеніи вліяніе его матери. О ней онъ пишетъ: „родные моей матери были большею частію свѣтскіе, отсюда и большая часть знакомства состояла изъ свѣтскихъ же людей; было и нѣсколько *духовныхъ*, которыхъ *мать очень не любила* и которые своими привычками и поведеніемъ рознились отъ свѣтскихъ не къ своей выгодѣ. *Эта противоположность*, которую мать старалась выставлять при каждомъ удобномъ случаѣ, *производила на меня сильное впечатлѣніе, внушала мнѣ отвращеніе отъ духовнаго званія*“ (82 — 83). Очень вѣроятно, что въ этомъ кружкѣ свободно, что называется, промывались косточки и митр. Платону, и архіеп. Августину, и митрополитамъ Серафиму и Филарету, и въ особенности Филарету. Впечатлѣніе молодости не изгладилось у С. М. Соловьева и впослѣдствіи. И если я такъ счастливъ, что освободился навсегда отъ предубѣжденій противъ моск. святителя Филарета, то С. М. Соловьевъ, по горло углубленный въ свой безпримѣрный историческій трудъ, не имѣлъ времени ознакомиться ближе съ литературнымъ достояніемъ, оставшимся отъ Филарета и сдѣлавшимся извѣстнымъ уже послѣ смерти послѣдняго. Знаменитый историкъ, нужно полагать, и умеръ, не имѣя случая должнымъ образомъ понять нашего великаго святителя.

Вс. С. Соловьевъ, начавъ издавать „Записки“ своего отца, прекрасно сдѣлалъ, пропустивъ тѣ страницы, гдѣ велась рѣчь о Филаретѣ. Его примѣру, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ братъ его Вл. С. Соловьевъ. Онъ включилъ въ свое изданіе и эти страницы, но все же онъ былъ еще остороженъ: самыя рѣзкія вещи и у него не нашли мѣста. Но безусловно худо поступилъ новый издатель тѣхъ же „Записокъ“, редакторъ „Вѣстника Европы“: онъ, повидимому, не пропустилъ ни одного слова, невыгоднаго для репутаціи московскаго святителя. Быть можетъ, мы и не вправѣ этого требовать: вѣдь, С. М. Соловьевъ во главѣ рукописи начерталъ слова: „мои записки для моихъ дѣтей, а если можно и для другихъ“. Нѣтъ сомнѣнія, слова эти написала рука его преждевременно, а все же они есть. Но ничто не мѣшало редактору „Вѣстника“ пригласить какого-либо спеціалиста, который бы въ видахъ безпристрастія, своими подстрочными замѣчаніями, смягчилъ бы безмѣрную рѣзкость сужденій знаменитаго историка Соловьева о великомъ іерархѣ—Филаретѣ Дроздовѣ.

Проф. *А. Лебедевъ*.

1907 г., іюня, 8 дня.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ... ОБЩЕСТВЕННЫМ ...
19.11.75